

УДК 81'1  
DOI: 10.17223/19986645/59/7

Т. Цзинь

## РУССКАЯ ПРИСТАВКА *О-/ОБ-* КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ТРЕХ МОДЕЛЕЙ ДВИЖЕНИЯ

*На примере о-/об- проверяется гипотеза о том, что полисемия приставки возникает в результате ментального процесса сжатия многообразия мира с помощью когнитивной матрицы в виде моделей движения. Выявлено, что пространственные значения есть результат прямой реализации моделей движения, когда движение понимается как процесс перемещения. Непространственные значения есть результат метафорической реализации моделей движения, когда движение понимается как процесс, приводящий к переменам.*

Ключевые слова: полисемия приставок, когнитивная матрица, модель движения, реализация, метафора, вариация, корреляция.

### Введение

С установлением в современной лингвистике антропоцентрической парадигмы большой интерес представляют уже не столько значения языковых знаков как таковые, сколько те «человеческие» и культурные факторы, которые влияют на формирование этих значений. На смену КАК-лингвистике приходит ЗАЧЕМ/ПОЧЕМУ-лингвистика, в основе которой лежит примат объяснения [1. С. 103]. Если говорить об исследовании полисемии языковых знаков, в частности глагольных приставок, то ПОЧЕМУ-лингвистика должна ответить на вопрос, каким образом многочисленные значения и почему именно эти значения могут быть сконструированы одной приставкой.

Для одних исследователей ответ на данный вопрос можно найти в самой семантике. Как пишет об этом М.А. Кронгауз, несмотря на то, что при глобальной проверке языкового материала гипотеза о семантической мотивированности употребления глагольных приставок может быть опровергнута исключениями, она «имеет ценность, прежде всего, как плодотворная методологическая рамка семантических исследований, позволяющая искать семантические причины в поверхностном поведении языковых единиц» [2. С. 115]. На наш взгляд, такой подход базируется на представлении о полисеманте как о сформированной категории, соответственно, его многочисленные значения являются членами данной категории и между ними существует связь, которая может быть описана путем выявления общего абстрактного компонента (или общих компонентов) для групп значений или всех значений. В частности, Е.Р. Добрушина выдвигает гипотезу о едином значении (инварианте) глагольных приставок, имеющем объяснительную силу, на примере четырех приставок с непрозрачной семанти-

кой (*вы-*, *у-*, *по-*, *о-/об-*) [3. С. 33–42]. Позднее вместо «инварианта» используется термин «формальная схема» приставки, под которой «понимается такой семантический конструкт, который всегда находится в истоках семантического взаимодействия данной приставки с глагольной основой, но никогда не присутствует в непосредственном виде в значении приставочного глагола» [4. С. 13]. Новый термин, на наш взгляд, не меняет чисто семантического характера такого подхода к исследованию полисемии, сводящегося к выявлению путем абстракции «суперзначения/суперзначений», которое/которые связывает/связывают частные значения (подзначения на разных уровнях) в единую сеть. Как нам представляется, потенциальная уязвимость поиска «суперзначения» обусловлена не только ограниченными объяснительными возможностями, но и логикой, так как, каким бы ни было это «суперзначение», вопрос о природе его возникновения, его генетической связи с определенной приставкой всегда актуален.

Второй подход основан на том, что в семантической структуре существует некая точка отсчета в виде значения, от которого происходят остальные значения. Для глагольной приставки в роли такой точки отсчета выступает ее пространственное значение. Многими исследователями так или иначе поддерживается концепция о закономерном развитии значений – от пространственных к более абстрактным [5–7]. В современных работах пространственное значение рассматривается как прототипное для остальных непространственных значений [8. С. 3–20; 9. С. 79–94]. Такой подход нам представляется как семантический с когнитивным уклоном, но при этом априорно сделано допущение, что одно значение порождается другим значением, т. е. познавательный процесс есть процесс осуществления определенных мыслительных операций над неким исходным значением.

Существует еще один подход: при анализе приставок с непрозрачной семантикой исследователи обращаются не к их пространственному значению, а непосредственно к тем или иным моментам, связанным с процессом перемещения в физическом пространстве. При этом между пространственным и непространственным обнаруживаются не общие абстрактные компоненты семантического характера, а аналогии, обеспечивающие метафорический сдвиг [10. С. 149–163; 11. С. 95–123]. К применению подобного теоретического подхода относится и работа Л.А. Янды, где описание непространственных значений осуществляется с помощью пространственных конфигураций [12. С. 49–61]. Фактически в подобных исследованиях признается внеязыковой характер механизма порождения семантики, иными словами, значение не рассматривается как результат развития и трансформирования другого значения или взаимодействия значений. Как нам представляется, этот подход в большей степени соответствует пониманию когниции как «познавательного процесса или же совокупности психических (ментальных, мыслительных) процессов» [13. С. 81]. Настоящая работа также исходит из того, что исследование полисемии следует начать с внеязыковых факторов познавательного процесса, но для нас точкой отсчета являются не столько действительность (физические процессы в фи-

зическом пространстве) или некие абстрактные конфигурации схемы, сколько сам человек-субъект познания.

Физик Митио Каку со ссылкой на *Discover magazine* (Aug. 1991, p. 56) цитировал слова другого знаменитого физика, Макса Планка: «...наука не может разрешить основную загадку природы. Причина в том, что в конечном счете мы сами части той загадки, которую пытаемся разрешить» [14. С. 205]. Думается, сложность разрешения загадки полисемии заключается именно в том, что в конце концов это загадка о сознании человека и его взаимодействии с действительностью. Вопрос осложняется еще и тем, что язык, если «мы признаем его в качестве специфического объекта действительности, может претендовать на онтологический статус» [15. С. 124]. Значения порой для нас так же действительны, как и сама действительность. Об этом свидетельствует работа А.Д. Кошелева, которая будет еще упомянута далее. С одной стороны, описывая общие значения приставки *о-/об-*, автор говорит об их природе как внеязыковой: «...эти значения представляют собой довольно абстрактные, но в то же время содержательные схемы действительности, которые приписываются последней в процессе языковой (и референциальной) деятельности человека» [16. С. 48], но с другой стороны, объясняя частные значения с помощью общих значений, тем самым он поддерживает все же представление о том, что семантика зарождается самой семантикой.

Итак, мы считаем, что для поиска ответа на вопрос, «каким образом многочисленные значения и почему именно эти значения могут быть сконструированы одной приставкой», прежде всего, нужно разграничить значения и механизм генерации значений. Если языковая категоризация отражает врожденную потребность высокоразвитого организма, направленную на «сжатие бесконечного многообразия мира, сжатие с целью упорядочения и нахождения закономерностей» [17. С. 100], то формирование полисеманта есть ментальный процесс сжатия части многообразия мира и доведения его до определенного однообразия, а толкование полисеманта, включая анализ лексем, осуществляемый лингвистами, в ходе которого и «извлекаются» значения и семантические признаки, представляет собой противоположный процесс – процесс «распаковки», когда однообразие снова становится разнообразием, но несколько иного порядка, поскольку эти два процесса принципиально различаются. Толкование, по сути, есть попытка ПО-ДРУГОМУ (другими словами, зачастую тоже многозначными, или более развернуто) описать отдельные референты полисеманта, тем самым в той или иной степени изменить способ их репрезентации, иными словами, толкование есть ре-репрезентация. Сложность исследования полисемии, когда в фокусе внимания находится сама семантика, очень напоминает то, как сложно заново упаковать распакованные вещи, форма которых изменилась в ходе распаковки. Поэтому мы попытаемся на время отвлечься от значений и сосредоточиться на самом процессе сжатия.

«Пространственная природа» русских приставок, которые моделируют действие или придают ему значение результативности, отнюдь не уникальна. «Одной из наиболее фундаментальных связей, формирующих се-

мантическую структуру языковых единиц всех уровней, служит метафорический перенос из наблюдаемого мира физических явлений в мир ненаблюдаемых идеальных сущностей» [18. С. 18]. Применение пространственных отношений для отображения непространственных является универсальным инструментом конструирования мира посредством языка. И эта универсальность обусловлена тем, что человек, с одной стороны, не способен познавать что-то абстрактное без опоры на тот опыт, который получен им при взаимодействии с видимым, осязаемым физическим миром, а с другой стороны, человек не просто регистрирует видимое и осязаемое, процесс регистрации всегда сопровождается интерпретацией. Таким образом, познавательный процесс сопровождается построением корреляций между материальным и идеальным.

Испанский философ Х. Субири, ученик Хайдеггера и Ортега-и-Гасета, называя человеческий интеллект «чувствующим», пишет: «Человеческое чувствование и постижение – не два численно различных акта, каждый из которых является полным актом в своем роде, но что они суть два момента одного и того же акта чувствующего схватывания реального: чувствующего постижения» [19. С. 6]. Прямым отражением «чувствующего схватывания реального» является метафора: возможность одной и той же языковой единицы для отображения и конкретного (доступного для органов чувств человека) и абстрактного (недоступного для органов чувств человека) обеспечивается тем, что познание конкретного сопровождается определенной фильтрацией данных, поступающих через органы чувств, и постигаются его сущностные черты, а познание же абстрактного выражается в придании ему некоего оперируемого образа с теми же сущностными чертами, т.е. чувствующее постижение абстрактного и заключается в его конструировании с помощью оперируемых ментальных структур.

Применительно к приставкам можно предположить: первоначальный опыт перемещения или действия в физическом пространстве, проходя переработку интеллектом, фиксируется с постижением сущностных для человека взаимосвязанных и взаимозависимых атрибутов. Формируются некие ментальные единицы, которые становятся когнитивной матрицей, т.е. могут быть применены для познания и отображения абстрактного. Мы называем эти предполагаемые ментальные единицы **моделями движения**. Функционирование таких моделей можно сравнить с применением математических формул для познания физического мира, но с одной очень существенной разницей. В отличие от формул в качестве самой важной переменной в подобных моделях выступает сам человек: он может не только мысленно встроить объекты разного рода в определенную модель и тем самым конструировать их взаимоотношение, но и выбрать для себя одну из возможных позиций для восприятия ситуации. Если движение в физическом пространстве следует законам физики, то в моделях движения присутствует мотивация, причина и следствия, иными словами, движение в глазах человека мотивировано и может оказать на него влияние, соответственно, может быть оценено, в том числе и аксиологически.

Таким образом, сжатие многообразия мира с помощью глагольных приставок понимается нами как реализация определенных моделей движения. Различаем два вида реализации – прямая реализация и **метафорическая реализация**. При прямой реализации в модель «встраиваются» физические объекты и движение есть процесс в физическом пространстве со всеми возможными физическими атрибутами (начальный и конечный пункты перемещения, траектория, способ осуществления движения и т.п.). При метафорической реализации в модель «встраиваются» физические или нефизические объекты, но самое главное, теряется привязанность к пространству, направленность движения в пространстве превращается в направленность перемен во времени, т.е. ход движения превращается в ход события или ход действия, приводящий к переменам. Движущийся элемент переосмыслен как некий источник-инициатор перемен. «Траектория» становится воображаемой, но тем не менее она определяет характер перемен. Нам также представляется, что непременно должны быть **вариации метафорической реализации**, для этого существуют по крайней мере две причины: 1) в одну и ту же модель движения могут быть «встроены» объекты разных типов; 2) в одной и той же модели могут быть разные позиции для восприятия ситуации.

Цель настоящей работы – на примере приставки *о-/об-* проверить данную гипотезу. На основе анализа физических перемещений в пространстве, репрезентируемых глаголом *обойти*, путем абстракции реконструированы три модели движения с наиболее существенными атрибутами. Если наша гипотеза теоретически верна и сконструированные нами модели достаточно близки к реальным ментальным единицам, то при встраивании объектов разного рода в модели и определении позиции для восприятия ситуации должны быть 1) логически выведены частные значения (подробно рассматривается генерация частных значений глагола *обойти* пространственного характера (в качестве источников значений используются три толковых словаря русского языка [20–22]); 2) продемонстрирована генетическая связь между определенной моделью движения и семантическими признаками, выделенными лингвистами для приставки *о-/об-* в целом или же при анализе отдельных групп глаголов с приставкой *о-/об-* (рассматриваются значения и семантические признаки приставки *о-/об-*, описанные в «Русской грамматике» (1980)<sup>1</sup>, а также в работах Г.А. Волохиной, З.Д. Поповой, Е.Р. Добрушиной, А.Д. Кошелева). И еще один момент. Если гипотеза верна, то синонимия, наблюдаемая в некоторых случаях у глаголов с разными приставками, может быть лишь частичной и только на уровне толкования: если разные приставки представляют собой разные модели движения, то их синонимичные значения должны быть

---

<sup>1</sup> В «Русской грамматике» [23. С. 363–364] приставка *о-* и приставка *об-* (*обо-*) представлены как самостоятельные единицы и описываются отдельно. Мы считаем *о-* и *об-* (*обо-*) одной приставкой в рамках реализации выделенных нами трех моделей движения.

сконструированы разными способами, т.е. в этих значениях непременно можно обнаружить различия.

### 1. Три модели движения и их реализация (на примере глагола *обойти*)

Исходя из предположения о том, что модели движения формируются на опыте реального перемещения в физическом пространстве, в случае с приставкой *о-/об-* для их реконструкции мы обратимся к глаголу *обойти*, которым репрезентируется перемещение в физическом пространстве, совершаемое наиболее привычным для человека способом.

Согласно словарным статьям глаголов *обойти* и *обходить* в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова можно выделить восемь основных значений глагола *обойти*: 1) совершить круговое движение вокруг чего-то, по какому-то определенному пространству; посетить подряд разные места; 2) распространиться где-то, стать известным всюду; 3) избегая, идти не прямо, сделать круг; 4) совершить маневр во фланг или в тыл противника для нанесения удара (воен.); 5) избегая, намеренно уклониться от чего-н., от исполнения чего-н.; 6) оставить без повышения по службе (со словом «место», разг.); 7) обмануть, надуть; 8) опередить.

В «Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова» дефиниции у *обойти* представлены в более лаконичном виде: **1.** кого (что). Пройти, окружая, огибая, минуя кого-что-н. *О. лужу. О. фланг противника* (окружая, зайти во фланг). **2.** что. Пройти по всему пространству чего-н. *О. всю площадь. О. весь участок.* **3.** кого (что). Побывать во многих местах, у многих. *О. все квартиры. Врач обошёл палаты. О. знакомых. Новость обошла весь город* (перен.). **4.** кого (что). Обогнать, опередить кого-н. (разг.). *В скачке о. соперника. О. кого-н. по службе.* **5.** перен., кого (что). Обмануть, перехитрить (разг.). *Этот хитрец любого сумеет о.*

В «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» под редакцией Т.Ф. Ефремовой значения *обойти* разделены на 8 групп:

1: а) Обойдя что-л. по кругу или пройдя вокруг кого-л., чего-л., завершить движение. б) Протянуться вокруг чего-л., опоясаться;

2: а) Пройти какое-л. пространство в разных направлениях, посетив многие места. б) Пройти от одного человека к другому, уделив внимание каждому. в) Перейти из рук в руки, от одного к другому (о предметах). г) Распространившись повсеместно, стать известными всем, многим;

3: а) Совершить маневр во фланг или тыл противника с целью его окружения. б) Обогнав, преградить путь;

4: а) Пройти стороной, минуя кого-л. или что-л. б) Избегать кого-л., чего-л.;

5: а) Оставить без продвижения по службе или награды, предпочтя другого. б) Оставить в стороне, не допустив к участию в чем-л. в) Лишить чего-л. по сравнению с другими;

6: Пренебречь кем-л. или чем-л., не учтя, не приняв во внимание;

7: а) Обогнать, опередить кого-л. или что-л. при ходьбе, езде. б) Превзойти кого-л. в состязании, соревновании.

8: Хитростью склонить к чему-л.; обмануть, одурачить.

Обращаясь к трем словарям разной редакции, мы имеем достаточно полное представление о значениях слова *обойти*. Конструируя перемещения в физическом пространстве на основе перечисленных выше пространственных значений, мы видим, что *обойти* репрезентирует три вида перемещений, которые отличаются друг от друга и по составу вовлеченных объектов, и по их взаимоотношению, и по мотивации перемещения. С учетом этих факторов можно построить три модели движения. Согласно нашей гипотезе перечисленные выше непространственные значения генерируются в результате метафорической реализации данных моделей.

Модель I. Присутствуют два объекта – движущийся элемент и объект-ориентир, движение совершено таким образом, что не состоялся контакт с объектом-ориентиром. В результате движения объект-ориентир оказался позади движущегося объекта.

Модель II. Присутствуют два объекта – движущийся элемент и объект-ориентир, движение мотивировано объектом-ориентиром, траектория в виде круга с объектом-ориентиром в условном центре. Движение не предусматривает прямого контакта между движущимся элементом и объектом-ориентиром.

Модель III. Присутствует один движущийся элемент, отсутствует объект-ориентир. Движение происходит по условному кругу (конечный пункт движения замыкается с начальным пунктом) или в разные стороны.

Общность этих моделей, скорее всего, заключается в схожей геометрической характеристике траектории – ее полуокружности (в модели I траектория изгибается во избежание контакта с ориентиром) и окружности (в моделях II и III). Данная общность обеспечивает возможность трем моделям быть представленными одной приставкой, однако при их реализации порождаются уже совершенно отдаленные друг от друга значения.

### 1.1. Значения *обойти* как результат метафорической реализации модели I

В ходе психолингвистического эксперимента было выявлено, что для носителей русского языка *обойти* подразумевает масштабность ориентира-препятствия, его нельзя «перешагнуть» [24. С. 42–55]. «Крупный объект» на пути вынуждает движущийся элемент использовать уловку (изгибать траекторию). При метафорической реализации модели I актуализируется не только корреляция между «изгибанием траектории» и «применением уловки». Во-первых, при совершении перемещения в физическом пространстве «крупный объект», как правило, является неодушевленным и находится в своем естественном, пассивном состоянии. При метафорической реализации на месте ориентира может быть «поставлен» человек, т.е. «движение в обход» может быть совершено не только по отношению к чему-то, но и к кому-то. Во-вторых, при метафорической реализации ход движения теряет связи с физическим пространством и превращается в «ход со-

бытия», т.е. потенциально не только человек может совершить «движение в обход» по отношению к чему-то, но и что-то (какое-то событие) может совершить «движение в обход» по отношению к кому-то, т.е. имеются два возможных видения процесса: видение человека, совершающего движение (в физическом пространстве или метафорически), и видение человека, находящегося пассивно на месте ориентира, в обход которого совершается какое-то движение. В зависимости от позиции восприятия движения, а также от одушевленности / неодушевленности ориентира возникают разного рода оценки ориентира и движущегося элемента, которые в отдельных случаях становятся основой для формирования конкретных значений. Таким образом, мы имеем дело с тремя вариациями метафорической реализации:

**Вариация I-A.** КТО-движущийся элемент «обходит» ЧТО-ориентир.

Следует сразу отметить, что под КТО мы понимаем не только конкретных лиц, но и коллектив, организацию, группировку и т.п., т.е. общность, состоящую из конкретных лиц.

Различаем две субвариации.

**Вариация I-A1**

У КОГО-движущегося элемента присутствует некая цель (метафорически она воплощена в подразумеваемый конечный пункт движения), соответственно ЧТО-ориентир, оказавшийся на прямом пути к цели, оценивается как препятствие или помеха для достижения цели. При этом актуализируется корреляция между «изгибанием траектории» и «применением уловки», в целом порождается значение «избегая, намеренно уклониться от чего-н., от исполнения чего-н.».

*Кружок умело **обошел** закон, запрещающий спектакли во время великого поста, в кануны праздников и по субботам* (В.А. Гиляровский. Москва и москвичи, 1926–1934).

**Вариация I-A2.** В данной субвариации на месте ЧЕГО-ориентира оказывается элемент, который мог бы быть включенным в некий процесс, а маневр КОГО-движущегося элемента в обход понимается как нежелание его включить. Порождается значение «избежать чего-то» «пренебречь, не учтя, не приняв во внимание».

*Министр иностранных дел У Сюэцзянь тут же выразил озабоченность по поводу того, что советский руководитель фактически **обошел** вопрос о Камбодже* (О. Трояновский. Через годы и расстояния, 1997).

А в отрицательной форме «не обойти что-то» на первый план выступает несколько иная оценка: ЧТО-ориентир мог бы остаться в стороне, но не остался, значит, состоялся контакт с чем-то не самым главным, но стоящим внимания.

*Тапен в своей книге **не обошел** вниманием и вопрос о том, откуда взялась пресловутая маска и почему пленника Сен-Марса скрыли под ней* (С. Цветков. Железная маска // Наука и жизнь, 2007).

**Вариация I-B.** КТО-движущийся элемент «обходит» КОГО-ориентир.

Внутри данной вариации также различаются еще две субвариации.

**Вариация I-Б1.** КТО-движущийся элемент преследует некую цель, КТО-ориентир может быть воспринят КЕМ-движущимся элементом как препятствие (КТО-ориентир препятствует движению по избранному пути к цели) или соперник (КТО-ориентир движется по тому же пути к той же цели, что и КТО-движущийся элемент). Такая оценка КОГО-ориентира в явном виде присутствует в значении «совершить маневр во фланг или в тыл противника для нанесения удара (воен.)» и играет важную роль в формировании значения «опередить». Собственно, глаголы *обогнать*, *опередить*, использованные во всех трех выше перечисленных словарях для толкования значения *обойти*, также являются иллюстрацией данной субвариации: результат «обхода» заключается в том, что КТО-движущийся элемент оказывается впереди КОГО-ориентира, тем самым достигает своей цели «преградить путь» КОМУ-ориентире, или же оказывается ближе к собственной цели (например, к победе, к более высокой ступени по карьерной лестнице и т.п.), чем соперник.

*И когда Аршавин в очередной раз вывел на ворота Быстрова, тот четко обошел вратаря и точно пробил мимо двух бросившихся наперерез защитников, установив окончательный счет в матче* (Виктор Анисов. Четыре мяча и один шаг вперед, 2003).

*Через год он догнал кандидатов наук, потом обошел их. Зубр доверил ему вести самостоятельную тему* (Д. Гранин. Зубр, 1987).

То, что в результате акта «обхода» КТО-движущийся элемент оказывается впереди КОГО-ориентира, естественным образом сопряжено с пониманием того, что КТО-движущийся элемент объективно быстрее, сильнее или умнее. Порождается значение «превзойти кого-л. в состязании, соревновании». Но, как и в случае с субвариацией I-A1, может актуализироваться корреляция между «обходом» и проявлением «уловки». Следует отметить, что модель I не предполагает контакта между движущимся объектом и объектом-ориентиром, поэтому «состязание, соревнование и соперничество» в случае *обойти*, *опередить*, *обогнать* является бесконтактным, т.е. без активного участия со стороны КОГО-ориентира, который осознает превосходство КОГО-движущегося элемента, скорее, только после совершения КЕМ-движущимся элементом «обхода». Также важно при этом понимание того, что КТО-движущийся элемент после «обхода» продолжает свой путь к цели.

**Вариация I-Б2.** Наблюдается определенная аналогия между данной вариацией и вариацией I-A2, и она отражается в том, что КТО-ориентир (по его собственному мнению или по объективным причинам) мог бы быть участником некоего процесса, а КТО-движущийся элемент своим «обходом» отставил его в стороне. Порождаются значения «оставить без продвижения по службе или награды, предпочтя другого», «оставить в стороне, не допустив к участию в чем-л.», «лишить чего-л. по сравнению с другими», содержательное ядро которых базируется на различии между КТО-движущимся элементом и КТО-ориентиром по отношению к некоему процессу: будучи инициатором процесса, КТО-движущийся элемент имеет возможность менять его ход, а КТО-

ориентир – нет, но лишения у КОГО-ориентира относятся в этом случае к категории «упущенной выгоды», т.е. КТО-движущийся элемент своим «обходом» отбирает только то, что могло бы быть у КОГО-ориентира.

*Не завещав Якову Кузьмичу торгового предприятия, Кузьма Брюсов обошел его и в той части завещания, которая касалась небольшого дома, стоявшего на Цветном бульваре, против цирка Соломонского (В.Ф. Ходасевич. Брюсов, 1924).*

**Вариация I-B.** КТО-движущийся элемент «обходит» КОГО-ориентир.

В основе данной вариации лежит идея о том, что существуют события/явления, ход которых неподконтролен человеку. В метафорическом плане такие события/явления в некотором роде «очеловечиваются», как будто могут изменить траекторию своего развития или же такое изменение хода событий происходит под влиянием недоступной пониманию человека силы. С точки зрения воспринимающей стороны, т.е. с точки зрения КОГО-ориентира, «обход» стороной таких событий/явлений может быть оценен как удача или неудача в зависимости от того, желанны они для человека или нет.

*Жизнь им кажется пустой, и счастье, кажется, обошло их стороной (Стерпится? Слюбится? // Крестьянка, 1987).*

*Чеченская война не обошла стороной и его сыновей (Братство краповых беретов // Солдат удачи, 07.04.2004).*

Как видим, в модели движения I ход события воспринимается как неестественный (траектория изгибается), статичную позицию ориентира занимает не просто наблюдатель, а вовлеченная сторона события, на которую оказывает влияние «изгиб траектории». Эту разницу хорошо демонстрируют выражения *все прошло* и *все обошлось*. Сравним:

*Все прошло, все не то, и я, разумеется, не та (В. Давыдов. Театр моей мечты, 2004).*

*Все прошло без всяких скандалов, к которым, кстати, не было и предпосылок (О. Тропкина. Партия власти выносит сор из избы // Независимая газета, 01.06.2003).*

*По чистой случайности все обошлось без жертв (Н. Леонов, А. Макеев. Гроссмейстер сыска, 2003).*

*Палец снова сильно распух, но все обошлось легким недомоганием (С. Бакатов. Тихая жизнь в террариуме (Записки ветеринарного врача) // Наука и жизнь, 2008).*

При применении *все прошло* говорящий не видит заранее никаких препятствий для хода события: *прошло* констатирует совершение событий во времени, и совершение может привести к изменению, а может и не привести. В случае с *все обошлось* говорящий заранее видит препятствие (масштабный ориентир) и понимает, что без «изгиба траектории» ход события приведет к столкновению, т.е. к тяжелым последствиям. В результате «изгиба траектории» благодаря некоей неведомой человеку силе удастся избежать последствий полностью или они оказываются менее тяжелыми, чем ожидалось.

## 1.2. Значение «обмануть» у *обойти* как результат метафорической реализации модели II

Во всех вышеперечисленных трех словарях для толкования одного из значений *обойти* используется глагол *обмануть*, который исторически является также префиксальным глаголом [22. С. 588]. Это наводит на мысль, что в русском языковом сознании понятие «обман» генетически связано с *о-/об-*, и согласно нашей гипотезе оно также должно базироваться на определенном пространственном опыте. «Обман» предполагает наличие двух сторон (инициатора обмана и обманутого), и в отличие от вышерассмотренной реализации модели I (в частности, вариаций I-A1 и I-B1), цель проявления хитрости в данном случае заключается в «склонении другого человека к чему-то», т.е. не предполагается продолжение инициатором обмана собственного пути к другой цели, см. пример:

*Тётя Даша в лице представляет, как торгуется из-за старого подсвечника на базаре дядя Толя, как ловко он обошёл мужсика, обменив ему ломаный будильник на два пуда мытых помидоров...* (Б.А. Пильняк. Три брата, 1923–1928).

Существует в русском языке ряд выражений, например (*бродить*, *ходить*, *петлять*) *вокруг да около*, *ходить по кругу*, *обвести вокруг пальца*<sup>1</sup>, *голова идет кругом*, *вскружить чью-то голову*, в которых отражается, на наш взгляд, корреляция между «движением по кругу» с «преднамеренным сокрытием правды», с «напрасностью» и «безрезультативностью», а также с «потерей ориентации», что приводит к потере контроля над собой, к потере четкости мышления. Также обращаем внимание на то, что согласно В.И. Далю слово *обхождение* – это «манера поведения по отношению к кому-л., обращение с кем-л.» [25]. Отсюда следует, что приставка *об-* «способна» конструировать поведение человека по отношению к другому.

Учитывая вышеизложенное, генерация понятия «обман» может быть объяснена как метафорическая реализация модели II следующим образом: метафорически занимающий место ориентира человек становится объектом бесконтактного воздействия со стороны инициатора движения по кругу. Ориентир-человек не по своей воле оказывается совершенно пассивным: не предусмотрены ни возможность взаимодействия с действующим лицом, ни возможность влияния на ход события. По сути дела, до появления результата действия ориентир-человек и не подозревает о своей роли. В модели II движение мотивировано ориентиром, т.е. заложена преднамеренность в принятии

---

<sup>1</sup> Существует мнение, что *обвести вокруг пальца* (ловко обмануть, перехитрить) происходит от *обмотать вокруг пальца* (народн. одобряет). Быстро и ловко выполнить какую-л. работу [26. С. 579]). Безусловно, оба выражения содержат в себе идею о легкости манипуляции, в случае *обмотать* – над чем-то, в случае *обвести* – над кем-то. Но не совсем понятно, почему именно *обвести вокруг пальца* означает «обман», а *обвить вокруг пальца* – лишь «легко подчинить себе кого-л., справиться с кем-л.». На наш взгляд, нельзя исключить, что «обман» связан в том числе и с восприятием ситуации обманутым: он был введен в некое напрасное движение – движение по кругу.

нестандартной траектории в связи с ориентиром, при метафорической реализации эта «преднамеренность» действующего лица на фоне «пассивности» ориентира-человека согласовывается в том числе с идеей «корыстности». Инициатор движения преднамеренно «вводит» КОГО-ориентир в воображаемое движение по кругу, лишая его ориентации, и тем самым добивается цели – «склонить другого к чему-то для него невыгодному».

### 1.3. Значения *обойти* как результат метафорической реализации модели III

Если при метафорической реализации модели II важную роль играет оценка «движения по кругу» как «напрасного», то модель III основывается на совершенно иных предпосылках и на совсем ином восприятии «круга»: круговое движение в первоначальном опыте перемещения является осознанным движением в связи с необходимостью взаимодействия с определенным пространственным участком. Завершённость движения выражается в возврате к исходной позиции, что, скорее всего, коррелируется с пониманием «исчерпанности» действия<sup>1</sup>. Сказывается также связь между геометрической фигурой «круг» и идеей о «совокупности»<sup>2</sup>. Часть значений *обойти* возникает именно за счет конкретизации идеи о «последовательном, исчерпывающем контакте с неким множеством»: в случае контакта КОГО-движущегося элемента с множеством мест порождается значение «пройти какое-л. пространство в разных направлениях, посетив многие места»; в случае контакта КОГО-движущегося элемента с множеством людей – значение «пройти от одного человека к другому, уделив внимание каждому»; в случае контакта ЧЕГО-движущегося элемента с множеством людей – «перейти из рук в руки, от одного к другому (о предметах)»; в случае контакта ЧЕГО-движущегося элемента с множеством мест – «распространившись повсеместно, стать известными всем, многим».

## 2. Семантика приставки *о-/об-* как результат реализации трех моделей движения

### 2.1. Семантика приставки *о-/об-* как результат метафорической реализации модели I

Вариации I-A1 и I-B1, конструирующие действие КЕМ-движущимся элементом по отношению к КОМУ/ЧЕМУ-препятствию на своем пути к цели, оказываются наиболее продуктивными вариациями метафорической реализации модели I. Представителями данной реализации являются такие

<sup>1</sup> Идея «завершение» может быть конструирована на основе разных физических опытов: *поставить точку, подвести черту*, в том числе и на основе представления о «замыкании круга», что наглядно иллюстрируется глаголом *закруглиться*.

<sup>2</sup> Об этой связи свидетельствует, например, происхождение слова *цикл* от греческого *kuklos круг* [27. С. 302]. Древние делили время на бесконечные циклы, колеса внутри колес. Замыканием конца с началом, т.е. фигурой «круг», отображается абстрактная идея «совокупность взаимосвязанных явлений, процессов».

глаголы, как *обскакать*, *обогнать*, *опередить*, *обстрелять*, *обловить*, *обыграть*, *обхитрить*<sup>1</sup>, значение которых описывается следующим образом: «с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, превзойти другого исполнителя данного действия» [23. С. 362]. Отмечается, что подобные глаголы синонимичны глаголам с приставкой *пере-* [Там же]. Но глаголы с *о-/об-* и *пере-* явно не идентичны в своих возможностях репрезентации ситуаций соперничества: например, в теннисе, когда один игрок одержал верх в многочисленном обмене ударами с соперником, комментатор описывает ситуацию как *переиграл* или *перебил*, но не *обыграл*. *Обыграть* в случаях со спортивным состязанием чаще означает дальнейшее продвижение по турнирной таблице или победу в матче в целом, но не локальную победу при борьбе за очко. Такое различие объясняется тем, что значение «превзойти» у приставки *пере-* строится на сравнении, а у *о-/об-* оно логично вытекает из модели I, в которой одна из сторон представляется как препятствие на пути движения к цели для другой стороны, главный результат действия «обход» заключается в том, что препятствие оказалось позади. И значение подобных глаголов не ограничивается только лишь «превзойти другого исполнителя»:

*Закомалдин стоял, шурился, видно, радовался, что кончились наконец дожди и пришло тепло, что он обхитрил смерть и сейчас будет жить вечно* (Виктор Потанин. Когда прошли дожди, 1965).

Кроме вариаций I-A1 и I-B1, у приставки *о-/об-*, а точнее, у приставки *о-/об-* в сочетании с постфиксом *-ся*, отмечаем еще одну вариацию реализации модели I, порождающую, главным образом, значение «ошибочное действие».

Вариация I-Г. КТО-движущийся элемент совершает движение, в результате чего не состоялся нужный контакт с объектом-ориентиром.

Прямая реализация данной вариации формирует пространственное значение глагола *оступиться* – «неловко, неудачно ступить», т. е. глаголом *оступиться* называется такое физическое действие, при котором отклонение от правильной траектории движения ноги приводит к нежелательным последствиям. При метафорической реализации данным глаголом репрезентируется уже не неудачное движение ноги, а неудачное поведение.

---

<sup>1</sup> Мы отнюдь не утверждаем, что семантика *обхитрить* возникает лишь на основе метафорической реализации модели I при актуализации корреляции между «изгибанием траектории» и «применением уловки». Как было уже отмечено выше, понятие «обман» генетически связано с оценкой «движения по кругу» как «напрасного», т. е. возникает при метафорической реализации модели II. Разница в том, что при реализации модели I проявлением хитрости добивается продолжение пути к конечной цели, а при реализации модели II цель заключается в самом акте «обман» – «склонении другого к чему-то для него невыгодному». Для приведённого нами примера *«обхитрить смерть»* более логичным объяснением является то, что в нем отражена реализация модели I.

*То ли оступился, то ли промахнулся, только его сразу начисто укомплектовали: не боец стал, а туша под ногами* (П.П. Бажов. Широкое плечо, 1948).

В метафорическом применении *оступиться* просматривается представление о дороге как о жизненном пути, и такого рода ошибка оценивается не просто как «мимо поставленной цели» (как в случае промахнуться), а как ошибка, приводящая к продолжению жизненного пути по неправильной траектории.

*Чувствую – плохо. Чувствую – оступился парень. Не туда завела его кривая дорожка...* (С. Довлатов. Заповедник, 1983).

*Неужели я все-таки оступился и теперь, сам того не ведая, расплачиваюсь* (Н. Трофимова. Третье желание // Звезда, 2003).

Помимо *оступиться*, к данной вариации можно отнести глаголы *ослышаться*, *оговориться*, *ослушаться*, но между ними также присутствует различие.

Когда речь идет о целенаправленном действии, как в случае с *слушать*, приставка *о-* означает преднамеренность изменения траектории, и то, чему надо подчиниться и «слушать», осталось в стороне, т.е. мы видим здесь сходство с вариациями I-A2 и I-B2, когда инициатор действия намеренно оставляет объект-ориентир вне некоего процесса. Однако в отличие от I-A2 и I-B2 репрезентируемое глаголом *ослушаться* действие однозначно оценивается как «неправильное» в силу предустановки о нужности «контакта» с объектом-ориентиром.

Когда речь идет о нецеленаправленном действии, как в случае с *слышать*, оценка «ошибка» возникает на основе того, что не состоялся нужный контакт (а не из-за того, что что-то не дослушано), и такая ошибка осознается только в режиме воспоминания. В отличие от *ослушаться* *ослышаться* не употребляется в будущем времени.

А действие, репрезентируемое глаголом *говорить*, имеет двоякий характер: оно может быть полностью контролируемым, но и не исключаются моменты, когда человек не полностью контролирует свою речь. Соответственно, глагол *оговориться* может репрезентировать контролируемое «изменение траектории» (вариация I-A2) во избежание возможных вопросов или возражений:

*Сразу оговорюсь: речь пойдет только о зарекомендовавших себя моделях* (М. Дмитриевский. Покупаем велосипед // Наука и жизнь, 2007).

А может репрезентировать и неконтролируемую ошибку:

*– Я, доб... – тут ужас мелькнул в глазах арестанта оттого, что он едва не оговорился, – я, игемон, никогда в жизни не собирался разрушать здание храма и никого не подговаривал на это бессмысленное действие* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1, 1929–1940).

В этом случае *оговориться*, как и *ослышаться*, употребляется только в прошедшем времени.

## 2.2. Семантика приставки *о-/об-* как результат метафорической реализации модели II

Выделяем две вариации реализации модели II в зависимости от характера встраиваемых в модель объектов.

Вариация II-А. КТО-движущийся элемент «обходит вокруг» ЧЕГО-ориентира.

Совершение движения по траектории вокруг ЧЕГО-ориентира прежде всего вызвано необходимостью осмотра ориентира со всех сторон. А «осмотреть что-то» означает для человека его «изучение», таким образом, происходит метафорический сдвиг «осмотр объекта со всех сторон → всестороннее представление или изучение объекта». Суть данного метафорического сдвига заключается в идее «всесторонности», которой часто сопутствует дополнительная оценка способа совершения действия, и во многих случаях это оценка «тщательно, серьезно, основательно». Такой акцент на «изучении» хорошо демонстрирует группа глаголов с приставками *о-/об-*, где основы связаны с мыслительной и речевой деятельностью человека: *осмотреть, обдумать, обсудить, обработать (данные), обосновать, объяснить, осмыслить*.

Но указанный семантический признак, на наш взгляд, для приставки *о-/об-* следует назвать именно сопутствующим признаком, а не основным. Дело в том, что акцент может быть сделан не только на «изучении», но и на «представлении», и в этом случае «всесторонность» не противоречит и противоположной оценке способа совершения действия. Например, у глаголов *обрисовать, обозначить, очертить* идея «всесторонность» воплощена в «контурное», но целостное представление о чем-то, в которое включены все основные моменты, но самому действию сопутствует не признак «тщательность, серьезность и основательность», а, скорее, «стремительность».

*В нескольких словах он обрисовал им свой план и те радужные перспективы, которые ожидали их, если они согласятся заложить квартиру всего на один месяц* (А. Геласимов. Дом на Озерной, 2009).

*– Да, – сказал Андрей и вздрогнул в испуге, услышав собственный голос, и голос будто обозначил его в пространстве* (А. Азольский. Лопушок // Новый мир, 1998).

*Вот так, стихийно, в стиле импровизации, очертил я в этой главе круг своих симпатий, вспомнил пунктирно события, близких друзей и просто знакомых людей, с которыми пересеклась моя жизнь* (М. Магомаев. Любовь моя – мелодия, 1999).

Существуют также глаголы, у которых отсутствует дополнительный семантический признак интенсивности. Идея «всесторонность» воплощается в том, что какой-то объект представляется со всех сторон, в полном объеме, например: *осветить, обнаружить, описать, озвучить*.

*Речь сказана, политики посудачили, журналисты со всех сторон осветили, вдохновленная бюрократия оперативно откликнулась* (П. Вощанов.

Портвешок – это все, что нас связывает с Португалией // Новая газета, 30.01.2003).

*Она как бы озвучила то, чего не было, но должно было быть, а я позорно скрывал то, что должно было быть, хотя и не было* (Ф. Искандер. По-немногу о многом // Новый мир, 2000).

Вариация II-Б. КТО/ЧТО-движущийся элемент «обходит вокруг» КОГО-ориентира.

Различаем две субвариации.

Вариация II-Б1. Репрезентируется ситуация с позиции КОГО/ЧЕГО-движущегося элемента.

При анализе глагола *обойти* мы отметили, что при метафорической реализации модели II конструируется поведение человека по отношению к другому. И данная вариация оказывается очень продуктивной: по сравнению с остальными приставками именно приставка *о-/об-* оказывается наиболее «способной» к образованию глаголов, обозначающих бесконтактное воздействие, произведенное одним человеком (людьми) по отношению к другому (другим). А.Д. Кошелев отмечает, что направленное на другого человека воздействие, названное глаголом с приставкой *о-/об-*, либо невелико и не приводит к изменению его свойства (к подобным глаголам относятся агрессивные глаголы, такие как *оскорбить, обозвать, обольстить, обругать, оболванить, освистать, осмеять, осрамить, обматерить, обхамить, оболгать, обдурить, обмануть, обвешать, обмерить, обсчитать, объегорить, обокрасть, обворовать, ограбить, обанкротить, обчистить, обдуть, ободрать, облупить, обобрать, обделить, обожрать*; неагрессивные глаголы, такие как *обласкать, обольстить, обогреть, озолотить, оберечь, обеспечить, облегчить, обучить, обнадеживать, ободрить, обременить, осудить, беспокоить, обслуживать, обучить, обхаживать, ознакомить и оказать*), либо достаточно велико, чтобы возникло новое состояние (например, *оклеветать, обличить, опорочить, обвинить, опозорить, очернить, оглушить, одурманить, обездолить, ошеломить, опьянить, обворозжить, образумить, очаровать, обескуражить, оживить, обожествить, оживотворить, обелить, оправдать, обезжизнить, обескровить, обескрылить* и т.д.) [16. С. 77–80, 88–89].

На наш взгляд, образование подобных глаголов и их семантика предопределены пониманием ролей КТО-движущегося элемента и КОГО-ориентира в модели II.

Во-первых, в модели II отсутствует контакт между движущимся элементом и ориентиром. При ее метафорической реализации на месте ориентира оказывается человек, движущийся элемент заменен на действующее лицо, «окружность» траектории становится нефизической, тем не менее воздействие остается неконтактным<sup>1</sup>. В отличие от физического контакт-

<sup>1</sup> Исключением являются единичные глаголы, такие как *огреть, ошарашить*. На наш взгляд, значение «контактный удар» должно быть образовано не на основе модели

ного действия подобное «дистанционное» воздействие не может быть локализованным на конкретной части тела человека. Иными словами, при таком воздействии геометрически человек может остаться только трехмерным объектом, а результативность подобного «дистанционного» воздействия заключается в «обхвате» человека целиком. Но несмотря на «всесторонность» воздействия, оно затрагивает лишь «внешнюю оболочку» КОГО-ориентира: в результате такого действия возможно лишь изменение его состояния, зачастую, это временное изменение, наблюдаемое со стороны, а не изменение сущностных характеристик КОГО-ориентира. К примеру, человек не становится действительно виновным в результате того, что кто-то его *обвинил*.

Во-вторых, модель II подразумевает, что пассивный ориентир является объектом некой манипуляции со стороны КОГО-движущегося элемента. Как уже было отмечено при анализе связи между понятием «обман» и моделью II, активность и преднамеренность движущегося элемента на фоне пассивности КОГО-ориентира в первую очередь согласовывается с идеей «корыстности», и КТО-ориентир становится пострадавшей стороной<sup>1</sup>. Такая оценка ролей КОГО-движущегося элемента и КОГО-ориентира явно преобладает, и потому семантику большинства вышеперечисленных глаголов можно резюмировать как «во вред адресату» [7. С.109] или «причинить ущерб кому-н. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» [22. С. 362].

Данная вариация способна порождать не только семантику «нанесение вреда или ущерба», действие со стороны КОГО-движущегося элемента не обязательно приводит к тому, что пассивный КТО-ориентир пострадает. Иногда даже наоборот, действие совершается в угодном для КОГО-ориентира русле, например *обласкать*, *обнадежить*, *обольстить*, *озолотить* и т.п., хотя в этих случаях «корыстность намерения» полностью не исключается<sup>2</sup>. Такие глаголы, как *обслуживать*, *оказать* (услуги), *обя-*

«обход», т. е. приставка *о-* в этом случае генетически происходит от контактного действия типа «рука об руку».

<sup>1</sup> В отличие от реализации модели I (вариация I-B2), когда КТО-ориентир теряет то, что могло бы у него быть, при реализации модели II КТО-ориентир в результате воздействия со стороны КОГО-движущегося элемента лишается того, что у него было.

<sup>2</sup> Совершение таких действий, как *обласкать* и *обнадежить*, иногда вовсе не продиктовано искренней симпатией к кому-то или желанием утешить кого-то, а желанием действующего лица во избежание проблем для себя временно успокоить объект своего воздействия, лишит его инициативы к действию. См. примеры:

*Мы ушли из МХАТа, не чуя под собой ног от радости. «Подумать только, может, наша пьеса будет осуществлена на подмостках не какого-нибудь театра, а МХАТа! При этом не мы набивались со своей пьесой, а театр сам проявил инициативу. Нас пригласили, обласкали, попросили на размышление всего десять дней! ...Как все-таки прекрасна жизнь!» – думали мы. Прошло десять дней, двадцать, два месяца, год, три года, пять лет (Э. Рязанов. Подведенные итоги, 2000).*

– *Посмотрим, – обнадежил он неопределенно, только чтобы избежать упреков и сетований (М. Чулаки. Примус // Звезда, 2002).*

зать, обучить, оберечь, хотя и не содержат семы «корыстность намерения», но сохраняется противопоставление «активности» и «пассивности», тем самым подчеркивается наличие возможностей у действующего лица и их отсутствие у КОГО-ориентира.

При метафорической реализации модели II движущимся элементом может быть не только действующее лицо, но и иные источники воздействия. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев при анализе особенностей языковой концептуализации эмоций разделили эмоции на «впечатления», «эмоциональные состояния» и «стихийные чувства»; исследователи также пришли к выводу, что пространственно-двигательные метафоры можно представить следующим образом: «впечатление – это то, что человеку *приносит* или *доставляет* окружающий мир, в эмоциональные состояния он *приходит*, *впадает* или *погружается*, а стихийные чувства *охватывают* человека» [28. С. 280]. Обратим внимание на применяемый здесь глагол *охватывать*. Описываемое им воздействие стихийных чувств опирается на понимание того, что в модели II КТО-ориентир может целиком находиться под воздействием не только какого-либо действующего лица, но и всего, что вокруг него. Он пассивен и может быть лишь воспринимающей стороной ситуации. Причем КТО-ориентир не имеет возможности предвидеть развитие ситуации и не готов к этому, а неожиданность усиливает восприятие. Таким образом, идея «всесторонность» у приставки о-/об- для КОГО-ориентира коррелирует с ощущением «интенсивности» воздействия в силу нестандартности и неожиданности ситуации. Например, в отличие от *порадовать* применение *обрадовать* передает не только «интенсивность» эмоций, но и говорит о «неконтролируемости» и «неожиданности» ситуации.

*Меня это обрадовало, хотя я не мог понять почему* (М. Петросян. Дом, в котором... 2009).

*Избрание в Академию наук Финляндии меня обрадовало как дар судьбы* (А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца, 1988–1998).

Вариация II-Б2. Репрезентируется ситуация со статичной позиции КОГО-ориентира.

На речевом уровне при употреблении глаголов, репрезентирующих воздействие КОГО/ЧЕГО-движущегося элемента на КОГО-ориентира, возможно и акцентирование на восприятии действия со статичной позиции, т.е. с позиции КОГО-ориентира: в примере *меня обрадовало* ситуация описывается ориентиром-человеком, акцент делается именно на его ощущениях.

Восприятие со статичной позиции реализуется непосредственно и при образовании глаголов с приставкой о-/об-. К таким глаголам относятся глаголы с постфиксом -ся, например: *обрадоваться, ободриться, обозлиться, оживиться, отуманиться, опозориться, очиститься, образумиться, обеспокоиться, обанкротиться*; а также такие глаголы, как *одеревенеть, окаменеть, окостенеть, окоченеть, оледенеть, омертветь, ороговеть, остекленеть, остолбенеть, отвердеть, оцепенеть, очерстветь; облысеть, оплешиветь; ослепнуть, оглохнуть, охрипнуть, околоть, окосеть, опочить, осипнуть, онеметь, охрометь; обмякнуть, одряхнуть, озвереть,*

*обнаглеть, огрубеть, обалдеть, обезуметь, обмереть, обомлеть, одичать, одуреть, ожить, окосеть (от водки), опунеть, опьянеть, осатанеть, осоловеть, осоветь, оторопеть, отрезветь, отупеть, офигеть, офонареть, охаметь, охмелеть, охренеть, очертенеть, очуметь, ошалеть; обеднеть, обнищать; овдоветь, осиротеть.*

Стоит обратить внимание на то, что только у части названных глаголов существует парный вариант, образованный исходя из динамичной позиции: *обозлиться – обозлить, оживиться – оживить, омертветь – омертвить, ослепнуть – ослепить*; у большинства таких глаголов парный вариант отсутствует. Наличие парного варианта свидетельствует о том, что при появлении у человека подобного рода изменения есть возможность локализовать его причину, т.е. изменение может быть вызвано воздействием четко определенной внешней силы – природной или другого человека / других людей. Отсутствие парного варианта означает, что свойства внешней силы, приводящей к такому изменению, слишком сложны и невозможно ее локализовать как некое действующее лицо, или же подобное изменение вызвано вовсе не внешней силой, а внутренними причинами.

Общий семантический признак данных глаголов можно охарактеризовать как изменение состояния (физического, психологического) человека в целом. Для всех глаголов, обозначающих изменение состояния отдельных частей тела или органов у человека (*облысеть, оплешиветь, ослепнуть, оглохнуть, охрипнуть, осипнуть, онеметь, охрометь*), приставка *о-/об-* указывает на полное изменение в пределах конкретной части тела или органа. А изменение семейного или материального состояния человека, называемое глаголами *обеднеть, обнищать; овдоветь, осиротеть*, подразумевает «полноту» лишения.

Однако к этому общему признаку следует добавить одну важную особенность: изменение, называемое этими глаголами, как правило, должно быть визуально наблюдаемо со стороны, и чаще всего это резкая перемена во внешнем облике или поведении человека. Такое изменение чаще выражается в полном лишении активности в состоянии психологического потрясения, реже – в повышении активности под влиянием психологических импульсов (*ожить, озвереть, обезуметь*). И, как следствие, в большинстве случаев данное изменение является временным. Конечно, есть и более продолжительное изменение, например *оглупеть, огрубеть, опошлить, одичать*, но и в этих случаях присутствуют внешне наблюдаемые, поведенческие признаки изменения. Изменение, не имеющее внешне выраженных признаков и связанное с более кардинальными и долговечными переменами в психике или мировоззрении человека, не может быть названо с применением приставки *о-/об-*. На эту семантическую особенность обратили внимание и другие исследователи. Е.Р. Добрушина на примере глагола *окаменеть* показала, что в репрезентируемой подобными глаголами ситуации не изменилась суть человека, метафорическая нагрузка содержится в основе, а значение приставки просто совпадает со значением глагольной основы [4. С. 90]. А.Д. Кошелев обратил внимание на отсутствие в

русском языке таких глаголов, как *?одобреть*, *?обумнеть*, но возможную причину исследователь видит в другом: «...прилагательные типа *умный*, *глупый*, *добрый* называют не отграниченный класс, а степень признака. Возможно, поэтому и нет соответствующих глаголов *\*оглупел*<sup>1</sup>, *\*обумнел*, *\*одобрил*, но есть глаголы *поумнел*, *поглупел*, *подобрел*, называющие несколько большую степень признака, но не новое качество» [16. С. 90]. На наш же взгляд, данная семантическая особенность не столько зависит от основы, сколько обуславливается тем, что репрезентирующее приставкой *о-/об-* изменение (от *одеревенеть* до *осиротеть*) происходит с человеком, метафорически помещенным на позицию ориентира. Несмотря на то, что источник, вызывающий изменение, в этом случае не локализуется, все же сохраняется представление о том, что ориентир-человек находится под наблюдением. Иными словами, приставка *о-/об-* генетически ориентируется на изменение в визуально наблюдаемом со стороны образе.

### 2.3. Семантика приставки *о-/об-* как результат реализация модели III

Вариация III-A. Актуализируется корреляция «круг – совокупность».

Вариация III-A1. Совокупность понимается как множество.

При анализе глагола *обойти* было выявлено, что в модели III присутствует корреляция между физически осязаемым представлением «круг» и абстрактным понятием «совокупность». Корреляция «круг – совокупность», в свою очередь, порождает представление о «тотальном действии», распространенном на множество чего-либо:

#### 1. Множество мест.

В этом случае чаще всего глаголы-основы обозначают способ движения: *объехать*, *облететь*, *обскакать*, *обежать*, *обкатить*. В метафорическом плане, как и в случае с *обойти*, речь идет о достижении информации во всех возможных местах в пределах какого-либо пространства:

*Новость тотчас же облетела все вечерние информационные выпуски* (А. Григорьев. Демарш демократов // Вслух о... 01.07.2003).

#### 2. Множество людей.

Действие, названное глаголами-основами, направлено последовательно на каждого человека, входящего в определенный круг людей: *обзвонить*, *опросить*, *одарить*, *обстирать*, *обшить*, *обчинить*, *обмундировать* и т.п.:

*Нетрудно догадаться, что, услышав все это, «клиент» немедленно «созрел» и был отпущен на все четыре стороны после того, как одарил*

---

<sup>1</sup> Глагол *оглупеть* присутствует в русском языке, но не является полным синонимом *поглупеть*. Их отличие, на наш взгляд, заключается именно в том, что *оглупеть* указывает в первую очередь на внешнее наблюдаемое изменение в результате снижения интеллекта или интеллектуальной чувствительности, а глагол *поглупеть* «свободен» от такой образности. Сложно, например, заменить «оглупеть» в примере *Оглупела она страшно, курила, как солдат, походя ругалась и со дня на день опускалась в циническое неряшество* (А.В. Амфитеатров. Марья Лусьева, 1903) на «поглупеть», когда описывается внешнее проявление изменения человека.

каждого милиционера *стодолларовой купюрой* (А. Кучерена. Не надо, друзья, бояться... // Независимая газета, 28.04.2003).

У глаголов *объявить*, *оповестить*, *обнародовать*, *опубликовать*, *огласить* значение «сделать какую-то информацию публичной» формируется также на основе представления о наличии круга людей, до которых должна дойти эта информация.

### 3. Множество объектов.

Действие, названное глаголами-основами, направлено последовательно на предметы, расположенные в пределах определенного пространственного участка:

*А потом, ночью, отмахал семь верст в лес, тихонько, чтобы не услышал кто, наставил косу, обкосил кустиков с полдесятка и опять семь верст обратно, еле успел к бригадирову звону позавтракать* (В. Белов. Привычное дело, 1967).

Вариация III-A2. Совокупность понимается как неразделенная целостность.

При актуализации корреляции «круг – совокупность» на первый план может выйти не только идея о множестве как состоящем из отдельно существующих мест / людей / объектов, но и идея «целиком», построенная на представлении о неразделенной совокупности. Идея «целиком» становится основополагающей для большого количества глаголов с приставкой *о-/об-*. В первую очередь эти глаголы репрезентируют преобразование внешнего вида определенного пространственного участка или некоего объекта, т.е. поверхность объекта в русском языковом сознании воспринимается как пространственный участок.

Целая группа глаголов с приставкой *о-/об-* означает контактное воздействие на объект с целью изменения его внешнего вида «целиком»: *обелить*, *окрасить*, *оклеить* (*обклеить*), *очистить*, *обжечь*, *обкапать*, *обкатать*, *обколотить*, *обковырять*, *облить*, *облизать*, *обмазать*, *обмакнуть(-ся)*, *обмарать*, *обмотать*, *обмыть*, *обсушить*, *обточить*; *обессолить*, *обесцветить*, *обсолить*, *обработать*, *обтереть* и т.д.

Преобразование может произойти в результате появления новых объектов на участке, например *обставить*, *обсадить*, *обмеблировать*, *обстроить*, *обустроить*, *обводнить*, *озеленить*, или на поверхности другого объекта: *обошпелить*, *обвешать стену картинами*, *осыпать торт сахарной пудрой*. Преобразование может произойти также в результате исчезновения ранее присутствовавших на пространственном участке или на поверхности чего-то объектов: *обчистить*, *опустошить*, *обловить* (озеро, реку – выловить рыбу на всем участке), или же в результате действия объект теряет полностью внешний слой или содержимое: *облупить*, *опорожнить*, *ободрать*, *ошкурить*, *осколбить*, *обезжирить*<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> В «Русской грамматике» (1980) *обез-* считается отдельным префиксом. Мы склонны к мнению, что *обез-* является комбинацией *о-* и *без-*, причем неслучайной комбинацией: идея «лишение», обозначенная эксплицитно *без-* (например, у глаголов *обезу-*

Преобразование пространства вокруг может быть не только физическим, но и связанным с психологическим процессом у КОГО-движущегося элемента.

– *Есть ли у вас способы обжить незнакомое место?* (М. Спиричева. Семь языков ценителя китайской кухни // Богатей (Саратов), 23.10.2003).

*Потом пообвык, обжился, стал любимцем команды и кока, баловавшего его рыбкой...* (И. Грекова. Фазан, 1984).

За глаголами *обжить*, *обжиться*, *обвыкнуть* и *пообвыкнуть* скрывается представление о множестве конкретных действий для приспособления пространства к инициатору этих действий или приспособления самого инициатора действий к пространству, включая «побывать везде», «изменить обстановку» и «контакты с обитателями», и на первом плане – психологическое ощущение изменения среды «целиком» вокруг КОГО-движущегося элемента.

Как правило, при реализации модели III предполагается прямое контактное воздействие на пространственный участок. Объект, поверхность которого рассматривается как пространственный участок, должен быть объектом в физическом плане и неодушевленным. Конечно, есть и исключения. Глаголы *обнять*, *одеть*, *окутать* применяются как к неодушевленным предметам, так и к одушевленным (людям, животным).

*Натура в сих местах обильна: корабельные леса все реки в уют одели, да и равнины почитай ими сплошь укрыты* (А.П. Платонов. Епифанские шлюзы, 1927).

*Горящее дерево зашипело, и нас с Горофом окутало облако пара* (М. Дяченко, С. Дяченко. Магам можно все, 2001).

Когда совокупность понимается как неразделенная целостность, речь может идти и о переменах, происходящих с объектом абстрактного характера. Посмотрим такую возможность на примере *окрасить*. При применении к физическому объекту *окрасить* означает изменение цвета объекта «целиком», причем возможно изменение не только цвета поверхности объекта, но и всего объекта, когда речь идет, например, о жидкости: *окрасить йодом воду*. При применении к нефизическому объекту *окрасить* означает воздействие, приводящее к приданию нового признака объекту в целом, но без изменения его сущностных характеристик<sup>1</sup>:

---

*меть*, *обездолить*, *обезжизнить*), гармонично вписывается в модель II, когда репрезентируется изменение состояния КОГО-ориентира под воздействием «обхватывающей» силы как полное лишение чего-либо, например, *одеревенеть*, *окаменеть* означает изменение состояния в результате полного лишения способности чувствовать, реагировать и действовать. Идея «лишение» также согласовывается с моделью III, когда репрезентируется изменение состояния объекта с полным лишением чего-либо. Например, *обчистить* указывает на «лишение», как и *обезжирить*. Этим и объясняется, почему существует лишь *обез-*, а нет ни *пробез-*, ни *выбез-* и т.п.

<sup>1</sup> Этим отличается *окрасить* от *покрасить*. Глаголы очень близки по значению, если речь идет о действии, направленном на физические объекты. Но нельзя *покрасить роль* или *покрасить разговор*.

*И всячески старалась, получив драматическую роль, окрасить ее трагическими интонациями* (Самуил Алешин. Встречи на грешной земле, 2001).

*И он решил окрасить разговор улыбкой* (Владимир Орлов. Альтист Данилов, 1980).

Такие глаголы, как *обновить*, *осовременить*, указывают на манипуляцию, как правило, намного более сложную, чем прямое физическое воздействие; чаще применяются к объектам абстрактного характера, хотя не исключаются ни поверхность физического объекта, ни пространственный участок: *обновить* (крышу, команду, персонал, штат, продукцию, программу, тактику, методику, закон, документы, жизнь, организм, систему, силы и т.д.), *осовременить* (прибрежную зону, пьесу, роман, постановку, живопись, программу).

Изменение и физических и нефизических объектов, репрезентируемое подобными глаголами с приставкой *о-/об-*, базируется на идее «целиком», берущей начало в корреляции «круг – совокупность». По сравнению с вариацией II-Б, когда репрезентируется изменение состояния, преимущественно человека, при реализации модели III отсутствует дополнительная оценка по интенсивности действия или оценка «хорошо / плохо», т.е. при реализации модели III репрезентируются нормативные действия, применяемые в соответствующих ситуациях по отношению к соответствующим объектам.

Вариация III-Б. Актуализируется корреляция «круг – центр с периферией».

В вариации III-A2 пространственный участок, включая поверхность объекта, рассматривается как площадь, «окружность» движения подразумевает последовательный контакт с множеством более мелких участков в пределах данной площади, результат отражается в «исчерпанности» возможных контактов. В вариации III-Б пространственный участок представляется как участок с условным центром и периферией, т.е. геометрическая фигура «круг» рассматривается как фигура с центром в середине и периферией по окружности на определенном расстоянии от центра. При актуализации корреляции «круг – центр с периферией» подразумевается контакт с периферией, подчеркивается «окружность» или «полуокружность» траектории движения, например: *обрезать*, *обрубить*, *остричь*, *охватить* (*обхватить*), *обжать*, *окоротить*, *обкусать*, *обрамить*, *обложить*.

Кроме того, «создание круга» может стать центральной идеей в данной вариации. Замкнутая линия может быть представлена в физическом (например, *окружить*) или умозрительном виде, в последнем случае актуализируется еще и корреляция «линия – граница – предел – дозволенная черта». Круговая линия создает контур, устанавливает границу, предел: *очертить*, *огородить*, *ограничить*, *обусловить*.

*Итак, очертили круг сообщников, определили условленный час, когда троица выходит на встречу со связником, приносящим продукты* (Серые дьяволы // Солдат удачи, 07.07.2004).

*Он чувствовал, что своими рассуждениями епископ огородил его со всех сторон, оставляя только один выход* (А. Иванов. Сердце Пармы, 2000).

Вариация III-B. Актуализируется корреляция «трехмерный круг – максимальность».

В предыдущих двух вариациях круг представляется, скорее, как плоскость, т.е. двухмерный. Если взять глаголы *округлить*<sup>1</sup> / *округлиться*, то мы видим, что в них содержится представление о трехмерном круге – сфере, и изменение в данном случае выражается в возникновении трехмерного круга. Изменение может быть физическим (*фигура округлилась*), может и метафорическим – «достигнуть значительного размера» (*капитал округлился*). Таким образом, движение во все стороны (расширение) до формирования сферы коррелируется с идеей о процессе достижения значительного размера или некоего максимума, и данная корреляция, на наш взгляд, отражена еще в некоторых глаголах с приставкой о-/об-: *объесться*, *обкормить*, *опоить*, причем «максимальность» оценивается отрицательно, порождается значение «избыточно», «чрезмерно».

### 3. Симбиоз и синкретизм моделей II и III

Итак, при метафорической реализации модели II действия неконтактны и одушевленность / неодушевленность ориентира играет решающую роль. В случае с ориентиром-объектом возникает идея «всесторонности» изучения или представления об ориентире; в случае с ориентиром-человеком противопоставляются активность действующего лица (среды) и пассивность ориентира-человека, возникает идея «охвата», указывающая на «интенсивность» воздействия и «полноту» вызываемого изменения. При метафорической реализации модели III, опирающейся в основном на идею о преобразовании известного пространственного участка в целом, названные глаголами с приставкой о-/об- действия представляются чаще контактными и не сопровождаются дополнительной оценочной установкой.

Вышеизложенные выводы из нашего анализа отнюдь не означают, что между двумя моделями существует жесткая граница. То, что эти модели представлены одной и той же приставкой, уже свидетельствует об их симбиозе и синкретизме в русском языковом сознании.

К симбиозу мы относим случаи, когда в пределах одного глагола возможна реализация обеих моделей, активизация которых зависит от конкретной коммуникативной ситуации. Такие глаголы, как *обелить*, *ободрать*, *облупить* и *обставить*, при применении к пространственному участку означают контактное и нормативное действие, а при применении к человеку – неконтактное, интенсивное и даже агрессивное действие.

<sup>1</sup> Употребление *округлить* для репрезентации действия над некой цифрой, скорее, согласовывается с понятием «круглое число». В свою очередь, роль фигуры «круг» в понятии «круглое число», на наш взгляд, связана не только с тем, что такое число оканчивается одним или несколькими нулями. Не исключено, что фигура «круг» в нашем сознании коррелируется также с понятием «цельность», «идеальность». А выражение *круглая сумма*, как и *округлился капитал*, указывает на корреляцию «круг – максимальность».

Синкретизмом будем называть случаи, когда на формирование значения глагола влияют обе модели. В способе конструирования значения, связанного с изменением состояния человека и рассматриваемого нами как результат реализации модели II со статичной позиции, не исключается присутствие представления о движении в разные стороны до максимальных пределов, т.е. в конструировании такого значения совмещены сущностные черты и модели II, и модели III: с одной стороны, изменение может происходить под воздействием «обхватывающей» силы извне на человека; с другой стороны, изменение может происходить и в результате «расширения» некоего внутреннего импульса во все стороны до пределов двухмерного или трехмерного объекта. Например, когда говорим *кто-то окаменел в ужасе*, предлог *в* эксплицитно указывает на то, что «ужас» воздействует со всех сторон, а *лицо (тело, сердце) окаменело*, скорее, акцентирует внимание на «распространении» некоего признака и полном преобразовании лица, тела и сердца, сделавшем их напоминающими камень.

В русском языковом сознании, скорее, существует разграничение (возможно, не очень жесткое) внешней и внутренней причинности наблюдаемых перемен у человека: корректны выражения *страх охватил кого-то*, *ужас охватил кого-то*, возможно и *ужас обхватил кого-то*, но не корректно *страх обхватил кого-то*; корректно *кого-то обхватило морозом*, не корректно *кого-то охватило морозом*. Отсюда видно, что, *обхватить* репрезентирует всестороннее воздействие внешней силы (к чему можно отнести воздействие и «ужаса», и «мороза», но не «страха»), а *охватить* – распространение некой энергии, зарождающейся внутри человека (к которой относятся «страх» и «ужас», но не «мороз»), до максимальных пределов, обусловленных организмом и психикой человека.

Синкретизм также присущ глаголам, которые, так или иначе, имеют отношение к «поиску».

*Ну, вызвали милицию, все обыскали и не нашли ничего* (В. Пелевин. Синий фонарь, 1991).

*В общем, все прямо обнюхал, но криминала нигде не нашел* (АвтоБайка. База, это семнадцатый... // Марийская правда (Йошкар-Ола), 14.01.2003).

*Что-то огромное, отчаянно жужжжа, ворвалось в комнату, сделало вокруг Юры три витка, облюбовало его нос, больно укусило и унеслось прочь* (И. Сухин. Инопланетянин // Мурзилка, 2003).

Применение подобных глаголов предполагает наличие «множества» чего-то в пределах какого-то пространства, их значение складывается одновременно из двух аспектов: с одной стороны, *об-* указывает на «контакт» со множеством участков, с другой – на «всестороннее изучение» каждого участка.

#### 4. Глубинное разграничение «внешних перемен» и «внутренних перемен»

Рассуждая о семантической целостности русских глагольных приставок, Е.Р. Добрушина сформулировала единое абстрактное толкование при-

ставки *о-/об-* следующим образом: «...действие связано лишь с периферией, но не с сутью чего-либо» [3. С. 37]. Поддерживая в целом такую точку зрения, считаем, что нельзя не обращать внимание на то, что в семантике приставки *о-/об-* объективно присутствует компонент «полноты» действия, который на первый взгляд несколько противоречит компоненту «поверхности» или «периферийности» воздействия. Так, в примере *воды моря омывают остров* вместе с пониманием, что воздействие распространяется на «периферию», приставка *о-* указывает одновременно на то, что воздействие происходит со ВСЕХ сторон и распространяется на ВСЬ берег. Если говорить о воздействии на человека, то глаголы с приставкой *о-/об-*, безусловно, не репрезентируют действия, которые приводят к полной метаморфозе человека, но одновременно эти действия имеют максимальную полноту в конкретной ситуации.

Такое гармоничное сочетание компонентов «полноты» и «периферийности» в одной приставке, скорее всего, кажется носителем русского языка абсолютно естественным. Оно эксплицитно демонстрирует наличие в сознании человека глубинного разграничения между «внешними переменами» и «внутренними переменами». Внешние перемены могут быть несущественными или очень существенными, но они не приводят к тому, чтобы претерпевший перемены объект или человек изменился по своей сущности. Иными словами, объект и человек остаются теми же. Внутренние перемены, наоборот, приводит к появлению нового с новой сущностью.

Итак, перемены, репрезентируемые с помощью приставки *о-/об-*, относятся именно к «внешним», и «полнота» предполагается лишь в пределах «внешних перемен» в состоянии объекта. Если говорить о физическом объекте, *о-/об-* указывает на ПОЛНОЕ воздействие на всю его/ее двухмерную поверхность или весь трехмерный объем: что-то убирается или добавляется, но объект не превращается в другой объект. В случае с абстрактным объектом либо он сам не терпит никаких изменений (в случае речемыслительной деятельности со стороны человека), либо меняется лишь в облике (в случае, например, *обновить, осовременить*), но не меняется его предназначение. Но само действие имеет максимальную полноту с точки зрения действующего лица в соответствии с его целью и по отношению к конкретному объекту. Особый интерес, как нам кажется, представляет применение глаголов с приставкой *о-/об-* в случаях, когда речь идет об изменении человека.

*Они обросли мягкой коричневой шерстью, похожей на мох* (Ю. Коваль. Лабаз, 1972).

*А те, кто не боролся, – преуспели. Обросли званиями, наградами, выдвинулись. Молодежь имела перед собой поучительный пример приспособления* (Д. Гранин. Зубр, 1987).

*После этого еще несколько лет обдирали корабль жители Бугрино, пока не ободрали до голого железа* (В. Голованов. Остров, или Оправдание бессмысленных путешествий, 2002).

– И куда же оно все делось? – Злые люди ободрали, – заныл Жихарь. – Сироту всякий норовит обидеть... (М. Успенский. Там, где нас нет, 1995).

Метафорическое применение глаголов *обрати* и *ободрать* демонстрирует, что материальное благо и то, что важно только в социуме (репутация, слава, власть и пр.), являются в русском языковом сознании лишь «внешним слоем» человека и не представляют особой ценности для внутреннего мира человека. Таким образом, глагольные приставки содержат в себе ценную информацию не только о видении мира, но и о мировоззрении.

Для нас самое главное заключается не в том, чтобы определить «лейт-мотив» значений приставки *о-/об-* как «полноту воздействия в пределах внешних перемен», а в том, что она свидетельствует о сохранении понимания существенных свойств действия при метафорической реализации моделей (в частности, моделей II и III), извлеченном из опыта перемещения в физическом пространстве: в прототипных перемещениях пространственный участок и ориентир заранее известны действующему лицу, изменение, которое может произойти, происходит под наблюдением действующего лица. «Круговое движение» является, с одной стороны, исчерпывающим действием и воздействием в данной ситуации, с другой стороны, данное действие не нацелено на кардинальное, внутреннее изменение ни участка, ни ориентира и не может привести к такому изменению. Иными словами, «круговое движение» изначально не может быть применено для репрезентации «внутренних перемен», а «полнота воздействия в пределах внешних перемен» генетически зависит от свойств «кругового движения».

Что касается модели I, то ее метафорическая реализация оказывается для приставки *о-/об-* не особо продуктивной. Существенным для данной модели является оценка о ненужности / нужности контакта с ориентиром.

### Заключение

Наша гипотеза не претендует на обладание объяснительной силой для всех без исключения частных значений. Во-первых, перемещения могут быть не единственными прототипами для формирования когнитивных матриц. Как уже было упомянуто, за приставкой *о-/об-* зафиксирована, по крайней мере, еще контактная модель взаимодействия (типа *рука об руку*). Во-вторых, нельзя исключить и влияния заимствований из других языков, когда фонетическая оболочка теряет первоначальную, генетическую связь со смыслом. Тем не менее наш анализ показывает, что в подавляющем большинстве случаев семантика приставки *о-/об-* порождается реализацией выделенных нами трех моделей движения. Намеченные корреляции между «движением по кругу» или фигурой «круг» с такими идеями, как «напрасность», «всесторонность», «совокупность», «периферия», «максимальность», актуальны не только для приставки *о-/об-*, но и других языковых единиц русского языка, и это позволяет предположить, что данные корреляции являются некими ментальными константами для русского языкового сознания. То, что при метафорической реализации траектория

перемещения понимается как ход некоего изменения, а в качестве движущегося элемента может выступать любой источник перемен, а также наличие нескольких возможных позиций для восприятия и оценки перемены, скорее, является не только общей чертой для русских приставок, но и вообще характерно для пространственной метафоры, опирающейся на опыт и оценку перемещения в физическом пространстве<sup>1</sup>.

### Литература

1. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб. : Алетей, 2003.
2. Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М. : Языки русской культуры, 1998.
3. Добрушина Е.Р. К вопросу семантической целостности русских глагольных приставок // Вопросы языкознания. 2011. № 5. С. 31–43.
4. Добрушина Е.Р. Корпусные исследования по морфемной, грамматической, лексической семантике русского языка. М., 2014.
5. Черепанов М.В. Лексическое и словообразовательное значения в семантической структуре глагола // Семантический и функциональный аспекты изучения лексики русского языка. Саратов, 1983.
6. Архангельская Э.Н. Структурно-семантическая характеристика префиксальных глаголов // Словообразовательные единицы – их система и взаимодействие. Душанбе, 1986.
7. Волохина Г.А., Попова З.Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж, 1993.
8. Плузьян В.А., Рахилина Е.В. Полисемия служебных слов: предлоги *через* и *сквозь* // Русистика сегодня. 1996. № 3. С. 3–20.
9. Макарова А.Б. Феномен периферийного пересечения семантических сетей: русские приставки *при-* и *под-* // Вопросы языкознания. 2016. № 5. С. 79–94.
10. Свецинская И. Некоторые аспекты методики исследования русских приставочных глаголов (на примере глаголов с приставкой *вы-*) // Глагольная префиксация в русском языке / отв. ред. М.А. Кронгауз, Д. Пайар. М., 1997. С. 149–163.
11. Плузьян В.А. Приставка *под-* в русском языке: к описанию семантической сети // Глагольные префиксы и префиксальные глаголы / отв. ред. М.А. Кронгауз. М. : Издательский центр РГГУ, 2001. С. 95–123.
12. Янда Л.А. Русские глагольные приставки: Семантика и грамматика // Глагольные префиксации в русском языке / отв. ред. М.А. Кронгауз, Д. Пайар. М., 1997. С. 49–61.
13. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.
14. Каку М. Параллельные миры: Об устройстве мироздания, высших изменениях и будущем космоса / пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2017.
15. Шардин А.Л. Методологический статус понятий «инвариант» и «прототип» в современной лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 4. С. 121–127.
16. Кошелев А.Д. О концептуальных значениях приставки *о-/об-* // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 68–101.
17. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М. : Академия, 2001.
18. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М. : Языки славянских культур, 2006.

---

<sup>1</sup> Конкретные примеры в статье приводятся из Национального корпуса русского языка [29].

19. Субири Х. Чувствующий интеллект. Ч. 1: Интеллект и реальность / пер. с исп. Г.В. Вдовиной. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006.
20. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / сост. В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин и др.; под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994. Т. 2.
21. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1994. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov.htm>
22. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://efremova.slovaronline.com/>
23. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1.
24. Цзинь Т. Психолингвистический портрет глаголов перемещения (на материале русского и китайского языков) // Вопросы психолингвистики. 2014. № 2. С. 42–55.
25. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 1863–1866. URL: <https://dal.slovaronline.com/>
26. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007. URL: <https://www.litprichal.ru/slovvari/russaying/>
27. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 3-е изд. СПб.: Азбука, 1996.
28. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Перемещение в пространстве как метафора эмоций // Логический анализ языка: Язык пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М., 2000. С. 277–288.
29. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgora.ru>

### The Russian Prefix *o-/ob-* as an Implementation of Three Motion Models

*Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 2019. 59. 110–140. DOI: DOI: 10.17223/19986645/59/7

Tao Tszin, RUDN University (Moscow, Russian Federation). E-mail: Jintao-m@yandex.ru

**Keywords:** polysemy of prefixes, cognitive matrix, motion model, implementation, metaphor, variation, correlation.

The article used the prefix *o-/ob-* as an example to test the hypothesis that the semantics of prefixes should be generated by a cognitive matrix in the form of motion models formed on the basis of the experience and assessment of spatial movement. The materials used in the research include lexical entries of the verb *oboyti* [go round], the semantics of the prefix *o-/ob-* described in *Russian Grammar* (1980) and in the works by G.A. Volokhina, Z.D. Popova, E.R. Dobrushina, A.D. Koshelev, and examples from the Russian National Corpus. The main method of research is deductive. The study revealed that three motion models were constructed by selecting three kinds of movement represented by the verb *oboyti*. The implementation of motion models is considered as an intellectual operation to integrate various objects into a certain model thus constructing their interrelation and determining the nature of changes. The particular meanings of the prefix *o-/ob-* generated by a certain variation of the implementation of each of the three motion models are analyzed.

Model I. A moving element makes a motion around the reference object.

I-A. No contact between the WHO-element and the WHAT-reference object, the meanings ‘circumvent’ and ‘avoid, escape’ are generated.

I-B. The WHO-reference object is behind the WHO-moving element, the meanings ‘excel’ and ‘intentionally leave somebody aside’ are generated.

I-C. No contact of the WHAT-moving element and the WHO-reference object. The circumvention can be regarded as luck or bad luck.

I-D. No necessary contact with the reference object, the meaning of an error is generated.

Model II. Going around the reference object.

II-A. The WHO-moving element moves around the WHO-reference object. The metaphorical shift suggests examining the object from all angles → a comprehensive idea of the object.

II-B. The WHO/WHAT-moving element goes around the WHO-reference object. The meaning ‘to harm or act to please somebody else or derive some benefit from it’ is generated.

Model III. Going around without the reference object.

III-A. The correlation “circle – aggregate” is actualized. The motion implies a comprehensive contact with some multitude. When an aggregate is understood as ‘unshared’, the movement transforms the object in whole.

III-B. The circle means a figure with a core in the middle and periphery in the circumference. Moving suggests a contact with the periphery.

III-C. The circle means a three-dimensional sphere. Moving in all directions until the sphere is formed correlates with the idea of a maximum.

Therefore, it has been proved that the semantics of the prefix *o-/ob-* can be explained by the implementation of motion models, and correlations between “moving around the circle” or the shape of a “circle” with the ideas of “uselessness”, “comprehensiveness”, “aggregate”, “periphery”, “maximality” are certain mental constants for the Russian linguistic consciousness.

### References

1. Kibrik, A.E. (2003) *Konstanty i peremennye yazyka* [Constants and variables in language]. St. Petersburg: Aleteyya.
2. Krongauz, M.A. (1998) *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika* [Prefixes and verbs in Russian: Semantic grammar]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
3. Dobrushina, E.R. (2011) K voprosu semanticheskoy tselostnosti russkikh glagol'nykh pristavok [On the semantic integrity of Russian verb prepositions]. *Voprosy yazykoznanija*. 5. pp. 31–43.
4. Dobrushina, E.R. (2014) *Korpusnye issledovaniya po morfemnoy, grammaticheskoy, leksicheskoy semantike russkogo yazyka* [Corpus studies on the morphemic, grammatical, lexical semantics of Russian]. Moscow: Izdatel'stvo PSTGU.
5. Cherepanov, M.V. (1983) Leksicheskoe i slovoobrazovatel'noe znacheniya v semanticheskoy strukture glagola [Lexical and derivational meaning in the semantic structure of the verb]. In: Kan, Yu.N. et al. (eds) *Semanticheskij i funktsional'nyy aspekty izucheniya leksiki russkogo yazyka* [Semantic and functional aspects of the study of Russian vocabulary]. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute.
6. Arkhangel'skaya, E.N. (1986) Strukturno-semanticheskaya kharakteristika prefiks'al'nykh glagolov [Structural and semantic characterization of prefixal verbs]. In: Gorbachevskiy, A.A. (ed.) *Slovoobrazovatel'nye edinit'sy – ikh sistema i vzaimodeystvie* [Word formation units: Their system and interaction]. Dushanbe: Tajik National University.
7. Volokhina, G.A. & Popova, Z.D. (1993) *Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustroystvo, sistemnye otnosheniya* [Russian verb prefixes: Semantic structure, system relations]. Voronezh: Voronezh State University.
8. Plungyan, V.A. & Rakhilina, E.V. (1996) Polisemiya sluzhebnykh slov: predlogi cherez i skvoz' [Polysemy of functional words: Prepositions cherez and skvoz']. *Rusistika segodnya*. 3. pp. 3–20.
9. Makarova, A.B. (2016) Fenomen periferiy'nogo peresecheniya semanticheskikh setey: russkie pristavki pri- i pod- [The phenomenon of the peripheral intersection of semantic networks: Russian prefixes pri- and pod-]. *Voprosy yazykoznanija*. 5. pp. 79–94.
10. Svetsinskaya, I. (1997) Nekotorye aspekty metodiki issledovaniya russkikh pristavochnykh glagolov (na primere glagolov s pristavkoy vy-) [Some aspects of the methodology for the study of Russian prefixal verbs (on the example of verbs with the prefix vy-)]. In: Krongauz, M.A. & Payar, D. (eds) *Glagol'naya prefiksatsiya v russkom yazyke* [Verb prefixation in Russian]. Moscow: Russkie slovari.

11. Plungyan, V.A. (2001) Pristavka pod- v russkom yazyke: k opisaniyu semanticheskoy seti [The prefix pod- in Russian: On the description of the semantic network]. In: Krongauz, M.A. (ed.) *Glagol'nye prefiksy i prefiksial'nye glagoly* [Verb prefixes and prefixal verbs]. Moscow: RSUH.
12. Yanda, L.A. (1997) Russkie glagol'nye pristavki: Semantika i grammatika [Russian verb prefixes: Semantics and grammar]. In: Krongauz, M.A. & Payar, D. (eds) *Glagol'nye prefiksatsii v russkom yazyke* [Verb prefixes in Russian]. Moscow: Russkie slovari.
13. Kubryakova, E.S. et al. (1996) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A concise dictionary of cognitive terms]. Moscow: Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University.
14. Kaku, M. (2017) *Parallel'nye miry: Ob ustroystve mirozdaniya, vysshikh izmeneniyakh i budushchem kosmosa* [Parallel Worlds: A Journey Through Creation, Higher Dimensions, and the Future of the Cosmos]. Translated from English by M. Kuznetsov. Moscow: Al'pina non-fikshn.
15. Sharandin, A.L. (2011) The methodological status of the notions invariant and prototype in modern linguistics. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 4. pp. 121–127. (In Russian).
16. Koshelev, A.D. (2004) O kontseptual'nykh znacheniyakh pristavki o-/ob- [On the conceptual meanings of the prefix o-/ob-]. *Voprosy yazykoznaniya*. 4. pp. 68–101.
17. Frumkina, R.M. (2001) *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow: Akademiya.
18. Zaliznyak, A.A. (2006) *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy in language and ways of its presentation]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
19. Zubiri, X. (2006) *Chuvstvuyushchiy intellekt* [Sentient intelligence]. Pt. 1. Translated from Spanish by G.V. Vdovina. Moscow: In-t filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
20. Ushakov, D.N. (ed.) (1994) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkie slovari.
21. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1994) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka S.I. Ozhegova* [The explanatory dictionary of the Russian language by S.I. Ozhegov]. Moscow: Az'. [Online] Available from: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov.htm>.
22. Efremova, T.F. (ed.) (2000) *Novyy tolkovo-slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka* [New explanatory and word-formation dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk. [Online] Available from: <https://efremova.slovaronline.com/>.
23. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
24. Tszin', T. (2014) The Psycholinguistic Portrait of Russian and Chinese Verbs. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 2. pp. 42–55. (In Russian).
25. Dahl, V.I. (1863–1866) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. [Online] Available from: <https://dal.slovaronline.com/>.
26. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2007) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [Large dictionary of Russian sayings]. Moscow: Olma Media Grupp. [Online] Available from: <https://www.litprichal.ru/slovari/russaying/>.
27. Vasmer, M. (1996) *Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Translated from German by O.N. Trubachev. 3rd ed. St. Petersburg: Azbuka.
28. Bulygina, T.V. & Shmelev, A.D. (2000) Peremeshchenie v prostranstve kak metafora emotsiy [Moving in space as a metaphor of emotions]. In: Arutyunova, N.D. & Levontina, I.B. (eds) *Logicheskyy analiz yazyka: Yazyk prostranstv* [Logical analysis of language: The language of spaces]. Moscow: Indrik.
29. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru>. (In Russian).